

будущим. Достаточно сказать, что первый многочисленный выпуск 1962 г. (13 человек) впервые показал стопроцентную поступаемость в средние и высшие учебные заведения. Потом этот показатель неоднократно повторили двухтысячные годы (2004, 2006, 2007, 2009, 2010), а ниже 70 % он никогда не был. В 1991 г. школой была заработана первая золотая медаль. Ее получила Т. Миссан. Позднее золотой медалью была награждена Н. Волкова (1999), в 2010 г. золотыми медалистами стали М. Деркач, А. Логинова, Н. Черканова. На счету школы десять серебряных медалей. Началу их получения положили выпускники 1968, 1969 гг. А. Костромин и Т. Краснянская. Но не только медалями своих учащихся гордится школа. Для нее важно, кем они стали, чем занимаются, чего достигли. Многие после окончания учебных заведений возвращаются и трудятся в родном районе. После Московского пединститута в Эссо вернулась Н. П. Сычева. Вначале учитель школы, потом директор Быстринской районной библиотеки (награждена знаком «За личный вклад в развитие культуры»), сейчас специалист по экологическому просвещению Быстринского природного парка, почетный житель района. Появились в родных пенатах свои врачи С. К. Войцеховская, Т. Г. Солодикова, Р. Д. Коеркова, руководители образовательных учреждений В. П. Адуканова, М. Л. Черкашина (Солодикова), Н. И. Шпагина (Бобкова), Н. М. Конева (Магвеевкова). Много лет, после мореходного училища, в организации «Тепло земли» проработал кавалер ордена «Знак Почета» Г. Доровских. Радует и удивляет мир своими достижениями заслуженный работник культуры РФ, художественный руководитель эвенского национального ансамбля «Нургэнэк» Л. Е. Банаканова.

Интересны школе судьбы и тех, кто не вернулся в родные места, но честно и достойно трудился и трудится там, куда его определила судьба. После окончания МГУ более сорока лет в Институте физики земли Российской АН работает научный сотрудник, заслуженный деятель атомной отрасли О. Кузнецов, стал вначале директором Воткинского оборонного завода, а сейчас – его главным менеджером выпускник МВТУ им. Баумана, кавалер ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени О. Кобылков. Около тридцати лет был директором Камчатавтодора В. Анисимов. Орденом «За заслуги перед Отечеством» II степени награжден механик городского колхоза им. Ленина Б. Андреев. Был известным партийным деятелем в г. Челябинске, служил выпускник Челябинского политехнического института В. Ильин. Некоторые быстринские выпускники сумели защитить высокие научные звания. Такowymi являются кандидат экономических и доктор философских наук Е. Шадрин, кандидат технических наук В. Таскин. Среди бывших учеников школы есть и успешные предприниматели: сестры Т. Яньшина и З. Шумагова (Грушко), директор ООО «Оленевод» И. Солодики, заслуженные учителя Т. Тищенко (Рогожников, г. Калининград), работники телевидения Т. Миссан (г. Екатеринбург), общественные деятели и руководящие работники Т. Крупенина, О. Нечаева (Тихоступ).

Традиционными стали встречи выпускников разных лет. Самая многочисленная состоялась в 1996 г., в 70-летие образования школы. Бывшие школьники приехали тогда из Москвы, Хабаровска, Томска, Петропавловска, Владивостока. По своим юбилейным датам встречаются отдельные классы. Все радуются, общаются, с удивлением отмечают, что, несмотря на прошедшие годы, в душе они, как и прежде, остаются теми же мальчишками и девчонками. Кто-то с благодарностью вспоминает любимых учителей, кто-то что-нибудь смешное из своей школьной жизни, а кто-то до сих пор не может забыть свои детские обиды, большие и маленькие огорчения, прошлые неприятности. Но сходятся они в одном: школа во все времена стремилась вырастить из каждого своего воспитанника достойного гражданина, настоящего патриота, порядочного человека, труженика, а главное, учила учиться и честно выполнять свое жизненное предназначение.

В 2014 г. школа получила очередное новое помещение на 400 учебных мест. Сейчас в ней работают 44 педагога, причем 14 из них – ее бывшие ученики. Три учителя имеют высшую категорию, семнадцать присвоена первая категория. Одиннадцать человек отмечены наградами Министерства просвещения. С апреля 2008 г. возглавляет школу директор, руководитель первой категории Борис Алексеевич Логунов. Помогают ему в этом нелегком деле замдиректора по учебно-воспитательной и воспитательной работе И. А. Логунова (I категория), Т. В. Рябая, И. В. Медведицына.

За почти вековой путь развития в школе сменилось 27 директоров. Тем не менее, при каждом из них здесь всегда существовала верность традициям, присутствовал дух сотрудничества, взаимовыручки, активной общественной работы, так как школа со своего первого дня являлась не просто учебным заведением, но и центром культурной и просветительской жизни района.

1. Банаканова Н. Н. Мои воспоминания // Абориген Камчатки. 2011. 26 сент. С. 5.

2. Борисов В. Быстринской средней школе – 85 лет. От начальной школы до районного центра // Абориген Камчатки. 2011. 26 сент. С. 4–5.

3. Жиряковский М. Ламутская школа на р. Быстрой : из отчета инспектора Камчатского Губоно «О работе школ Камчатки за 1926 г.» // Новая жизнь. 1995. 13, 16 дек. [В фамилии автора допущена ошибка. Правильно: М. Жедяевский].

4. Ивасенко А. Путь к нынешнему дню // Новая жизнь. 1986. 14, 18, 25 июня.

5. Смышляев А. А. Ламутская школа (Орочил школотан) // Смышляев А. А. Школа нас в жизнь выпускает... Образование на Камчатке: этапы большого пути. Петропавловск-Камчатский : Новая книга, 2010. С. 96–99 : фот.

Также использованы:

Неопубликованные материалы по истории Быстринской средней школы / подгот. и предостав. В. Борисов.

Неопубликованные материалы по истории Быстринской средней школы / подгот. и предостав. Б. А. Логунов.

Г. И. Лангсдорф ПО КАМЧАТКЕ НА СОБАЧЬИХ УПРЯЖКАХ

(Из книги «Наблюдения во время кругосветного путешествия в 1805–1807 годах», т. 2
(пер. Л. В. Садовниковой))

Продолжая тему пребывания на Камчатке немецкого ученого и исследователя барона Георга Генриха фон Лангсдорфа, который побывал на полуострове трижды: с 3 июля по 25 августа 1804 г., с 5 по 14 июня 1805 г., и с 13 сентября 1806 по 14 мая 1807 г., т. е. в целом десять месяцев, я вновь обратилась ко второму тому его книги «Наблюдения во время кругосветного путешествия в 1805–1807 годах» (1812). Именно в нем содержится описание его путешествия по Камчатке на собачьих упряжках. Его наблюдения, несомненно, представляют интерес для краеведов, которые в хронологической последовательности отслеживают каждое изменение на полуострове в тот или иной период времени. Кроме того, впоследствии они вылились в «Изыяснение политического положения Камчатки и предложение для улучшения расстроенного состояния этого полуострова», посланное им из Иркутска 25 октября 1807 г. тогда министру коммерции Н. П. Румянцеву. Записка была обнаружена доктором исторических наук Б. П. Полевым в Архиве внешней политики Российской империи и переведена на русский язык Т. К. Шафранской. Вступительную статью к упомянутой записке написал доктор исторических наук профессор Б. Н. Комиссаров, который считает, что Г. И. Лангсдорф является вторым после С. П. Крашенинникова российским исследователем полуострова и первым таким исследователем в XIX в. (1).

Со своими предложениями о необходимости преобразований на Камчатке Лангсдорф неоднократно обращался в Тобольске к генерал-губернатору Сибири И. Б. Пестелю. В январе 1811 г. он вошел в состав правительственного «Комитета для внутреннего устройства Камчатской, Охотской и Якутской областей», который учел многие рекомендации Лангсдорфа и, самое главное, решил перенести столицу полуострова из Нижнекамчатска в Петропавловск. Для этого понадобилось целых пять лет! С 1812 г. Петропавловск стал административным центром Камчатки и части территорий на северо-востоке России.

Как известно, 14-я глава его «Путешествия вокруг света» посвящена упряжному собаководству на Камчатке, которое Григорий Иванович в достаточной степени освоил, чтобы отправиться в путь на собачьих упряжках и преодолеть расстояние в 1 500 км. В январе–апреле 1807 г. ученый совершил на собаках большое круговое путешествие по всей обитаемой тогда части Камчатки. Небольшое примечание: Лангсдорф настолько привязался к своим собакам, что двух из них он в середине марта 1808 г. привез в Петербург.

Итак, две следующие главы, 15 и 16-я, взятые мною для перевода, – это, скорее, путевой дневник, в котором он описывает свое передвижение по полуострову буквально по дням и даже часам.

Глава 15

Особые события. Прибытие господина Хвостова и господина Давыдова в Гавань Святого Петра и Святого Павла. Тайная экспедиция. Смерть господина Резанова. Продолжение секретной экспедиции. Смерть господина Хвостова и господина Давыдова. Зимнее пребывание на Камчатке. Баль. Музыка. Горячие источники в Малках. Путешествие в Нижнекамчатск. Верхнекамчатск. Мильково. Ключи. Столица Нижнекамчатск.

В конце октября мы начали первые тренировки на собачьих упряжках, а к 9 ноября открылась зимняя дорога. Обычно в 12–18-градусный мороз мы, господин Хвостов, господин Давыдов, капитан де Вульф, я и другие, предпринимали частые поездки в близлежащие окрестности и населенные пункты: Паратунку, Авачу, Коряки, Начики, Малки и т. д., а когда мы снова собирались в порту, временами устраивались танцы. На балы с их, впрочем, не строгим этикетом приглашались несколько жен офицеров и комиссионеров Русско-Американской компании, семейство Ларионова, несколько унтерофицеров, их жены и дочери. Танцевали обычно английские контрадансы. Музыкантами были несколько солдат, которые играли на пандоре (бандуре), балалайке и скрипке.

Иногда для разнообразия приглашались камчадалки, чтобы развлечь нас национальными танцами. Танцоры подражали движениям и манерам тюленей и медведей и переходили от самых плавных движений головы и плеч к самым резким движениям бедер и коленей; при этом они сами себе напевали музыку, в такт ей энергично топали ногами по земле и выкрикивали часто повторяющиеся и резко выдыхаемые «Ха!» или «Хо!».

Главная национальная песня называется «Бахия» – слово, которое является постоянным повторением песни и которое не имеет никакого особенного значения. И все же мелодия этой песни не лишена выразительности. Я представляю ее здесь благодаря стараниям господина надворного советника Тилезиуса, который записал ее во время своего прежнего пребывания в порту святых Петра и Павла.

После того как я достаточно преуспел в езде на собачьих упряжках и отважился на дальнейшие экскурсии, я поехал в удаленное на расстояние 133 верст от Гавани Святого Петра и Святого Павла довольно большое селение Малки, чтобы исследовать находящиеся поблизости него горячие источники.

У подножия нескольких гор в чудесной долине из земли бьет ключом кипящая вода. Местность обворожительно прекрасна. Летом, когда этот, сейчас безлиственный, лесной массив зелен и прилегающие покрытые снегом равнины обтянуты цветущим растительным ковром, я представляю себе здешние места чрезвычайно переменчивыми и таинственными. На камне, лежащем в основных источниках, образуется белая, отчасти почкообразная, отчасти слоистая известковая порода. Вода имеет слабый, похожий на селитру, вкус и запах. В округе на расстоянии полуверсты друг от друга можно найти от 3 до 4 подобных горячих источников, соединенных одним маленьким ручейком, в котором, несмотря на то, что он во многих местах более чем тепловатый, водятся маленькие рыбки, которых я определил, как колюшку трехиглую и которые, я полагаю, ничем не отличаются от наших. Совсем рядом с этим ручьем – маленький водоем, в котором вода охлаждается и служит местом для купания приходящим сюда людям; недалеко от источников построены несколько хижин, в которых могут проживать больные, пораженные подагрой и другими заболеваниями. Жители Малок используют теплую воду для помывки и стирки своей одежды. Мясо и рыба, которые могут какое-то время лежать в источнике, вскоре обычно в нем же и варятся.

Отсюда я возвращаюсь в Гавань, которую покинул 15 января, чтобы вскоре на собственных собаках отправиться в Нижнекамчатск. 19 января я снова прибыл в Малки, здесь я немного отдохнул и на следующий день тронулся в путь. Через 41 версту я добрался до Ганал, где переночевал, и 21 января продолжил свое путешествие в Пушино. Это одна из самых дальних почтовых станций на западной стороне, за которую платят как за 64 версты, но по расчетам камчадалов она составляет 76 верст. Для облегчения пути, как собакам, так и путешественникам, в 25 верстах от Ганал построена хижина, обслуживаемая всю зиму одним камчадалом, для того чтобы здесь можно было остановиться, бросить собакам кусочек сушеной рыбы (юколы) и самому немного отдохнуть.

Через несколько верст мы приближаемся к двум горным хребтам, которые пересекают полуостров с севера на юг и только здесь соединены друг с другом несколькими сопками, которые, по моему мнению, можно рассматривать как естественную перегородку между южной и центральной Камчаткой. Местность просто замечательная и расположена, наверно, очень высоко, так как где-то неподалеку берут свое начало река Быстрая, впадающая в море на юго-западе близ Большерецка, река Авача, впадающая на юго-востоке в одноименную бухту, и многоводная река Камчатка протяженностью более 400 верст, впадающая в море на северо-востоке недалеко от Нижнекамчатска. 22 января мы приехали в Верхнекамчатск, одно из самых значимых мест полуострова. Когда-то он располагался на берегу реки Камчатки, которая летом 1805 г., после необычайно обильного снегопада в прошедшую зиму, так сильно разлилась, что угрожала жителям наводнением, чего, к счастью, не произошло, так как река в момент большой опасности пробилла новое русло, которое находится на расстоянии нескольких верст от места жительства и очень затрудняет рыболовство, поскольку ста-

рый проток превратился в спокойно текущий ручей, в котором теперь водится совсем немного рыбы.

Здесь живут два священника. Церковь посещается редко; она старая и разрушенная. Военный госпиталь, который прежде всего привлек мое внимание, находился в высшей степени в запущенном состоянии. Помещение даже для нескольких больных слишком мало. Окна были плотно закрыты, таким образом воздух никоим образом не мог циркулировать. Уборная расположена далеко во дворе и нет кухни; готовили в печах, которыми одновременно отапливали комнаты.

Единственные имеющиеся в наличии медикаменты состояли из остатка запасов, которые доставил на Камчатку капитан Крузенштерн. Благотворное влияние этой экспедиции ощущалось таким образом по прошествии двух лет.

Верхнекамчатск населен примерно 60 солдатами и 30 казаками, которые, в основном, занимаются земледелием или должны им заниматься. Здесь я насчитал более 100 голов крупного рогатого скота и много лошадей, которые принадлежат преимущественно казне, соответственно, никто не извлекает из этого пользу. Как следствие, к весне тамошним жителям зачастую нечего есть; это происходит потому, что они плохо заботятся о зимней провизии, а первая рыба заходит сюда слишком поздно.

Соседняя местность довольно плотно заселена. На первых же 13 верстах я обнаружил три поселения, жители которых кормятся, большей частью занимаясь скотоводством и земледелием. Самым большим из этих населенных пунктов является село Мильково. Оно населено русскими крестьянами, чьи предки, это каждый седьмой, около 70 лет назад были посланы сюда из России, чтобы развивать земледелие. Их число увеличилось до 80 душ, и сельский староста уверил меня, что он 9 лет подряд отбирал каждое пятое, а затем каждое восьмое зерно с урожая для посева.

По представлению его превосходительства генерала Кошелева, этот староста за свои земледельческие заслуги был награжден медалью его императорского величества.

Все крестьяне этой деревни живут от доходов своих полей; хлеб из выращенного ими зерна, картофель, белокочанная капуста, свекла, редька, огурцы, рыба, мясо, молоко и дичь были у них в избытке. В селе насчитывается 85 коров и 22 лошади, которые круглый год пасутся на равнинной местности. И при этом земледелие на Камчатке все еще невозможно?

Продолжая свое путешествие в районе Козыревска и Толбачика, я обратил особое внимание на то, что снег здесь выпадает не такой обильный и всегда рыхлый, благодаря чему коровы всю зиму могут пастись под открытым небом.

30 января вечером я прибыл в Ключи, или Ключевское селение, населенное, как и Мильково, в основном русскими крестьянами и несколькими казаками, и довольно зажиточную. Земледелие, скотоводство, охота и рыбалка кормят жителей более чем достаточно, несмотря на то, что климат и почва не так хороши, как в районе Верхнекамчатска. Ключи расположены прямо у подножия очень высокой огнедышащей остроконечной горы, которая постоянно то курится, то горит ярким пламенем, и оттого ночью ее можно видеть на расстоянии 300 верст и более.

В Ключах – свыше 20 домов, одна церковь и единственная на полуострове школа, в которую принимаются сыновья солдат, а не камчадалов, и обучают их чтению, письму, счету и музыке. Вся организация этой школы требует таких же улучшений, как и оборудование самих помещений, слишком тесных для 70 находящихся здесь мальчиков. Комнаты маленькие и темные. На окнах вместо стекол – рыба кожа. Здесь нет отдельной кухни, и поэтому еду готовят прямо в классных комнатах. Ученики вынуждены сами ловить рыбу, служащую им основной пищей, и часто из-за недостатка продуктов питания испытывают голод и, как следствие, заболевают цингой. Учитель, старый отставной унтер-офицер, в меру своих сил и по доброй воле возглавляет доверенное ему учебное заведение.

В местном лазарете, также находящемся в плачевном состоянии, я застал много учеников, которые от недостатка санитарии, свежего воздуха и диеты страдали язвой ступней.

После того как я принял от местного начальника все проявления гостеприимства, я отправился в последнее однодневное путешествие и 2 февраля прибыл в нынешнюю столицу полуострова Нижнекамчатск.

Комендант, генерал-майор Кошелев, принял меня со всевозможными дружескими почестями и определил мое местопребывание, которое как раз выпало на время карнавала, таким образом сделал его приятным, насколько это было возможно.

Город расположен на косе в устье р. Радуги, которая впадает здесь в многоводную р. Камчатка; в нем две церкви (холодная и теплая) и свыше 100 домов, в которых проживают служащие генерального штаба и казначейства, священнослужители, точнее – старший проповедник (протопоп) и два священника, батальонный хирург, коммерсанты, гражданские, солдаты и казаки.

В ночь с 13 на 14 февраля я проснулся от сильного землетрясения; здесь это нередкое явление, на которое, по всей видимости, влияет находящаяся близко от Ключей огнедышащая гора. Несмотря на штормовую погоду карнавал все же был веселый, если его вообще можно представить на Камчатке. Генерал Кошелев позволил соорудить две ледяные горки, национальное развлечение русских; он дал несколько балов, а в последний день устроил маскарад, на который явились около 60 человек обоих полов. Весь год ежедневно генерал предоставляет своим офицерам «открытый стол», а это на Камчатке не пустяк. Он позволил и мне пользоваться такими же привилегиями гостеприимства и щедрости и угощал меня лучшими блюдами. Свежие, соленые и копченые утки и гуси, отваренные и копченые языки северного оленя, архара, превосходнейший лосось и многие другие вкусные блюда еще долго занимали мои мысли, пока я находился на Камчатке, в то время как многие другие места, к сожалению! слишком часто неприятно напоминали мне о местах моего пребывания. Рядом с больными, находящимися среди русских поселенцев и камчадалов, было очень скорбно видеть их страдания; и при этом почти никакой медицинской помощи. Батальонный хирург не раз жаловался на свое положение, при котором ему часто не хватало самых необходимых средств для лечения.

Необходимо обеспечить весь край теми немногими медикаментами, которые присылаются из России только для батальона; и поскольку и это ничтожное количество из-за дальности расстояния сюда не доходит, то очень часто возникает ситуация, когда штабной хирург, обладая всеми медицинскими знаниями, в чем трудно усомниться, не в состоянии оказать необходимую помощь. При таких обстоятельствах было поразительно среди медицинских запасов, доставляемых сюда из России за много тысяч верст с большими затратами, среди прочего находить металлические опилки, ягоды можжевельника, еловый горбыль для оконных переплетов (в больших количествах), ракушечный известняк и многие другие подобные вещи; да и среди медикаментов, оставленных на Камчатке Крузенштерновской экспедицией, с трудом можно было найти рвотные и слабительные средства, в наличии не имелось ни опиума, ни хины и даже ни одного термометра, а также отсутствовали самые необходимые лекарства.

Так много ли пользы получила Камчатка от хорошо налаженного судоходства, благодаря которому на эту землю могли бы доставляться медикаменты, одежда и многие другие нужные вещи гораздо дешевле, лучше и в большом количестве? И как много пользы могло бы извлечь государство и этот удаленный, заброшенный полуостров, если бы честные, благонадежные и ученые мужи смогли отважиться посетить эту землю с такой дурной славой для того, чтобы изучить природные ресурсы, и считали бы своим долгом внести предложения по улучшению жизни, которые основывались бы на научных и местных знаниях. Это представляется мне тем более необходимым, так как, насколько мне известно, в период всего времени военного административного управления ни один из офицеров, находившихся и содержавшихся на Камчатке, не соизволил посмотреть на происходящее философским взглядом и внести такие предложения, которые имели бы своей целью повышение всеобщего благосостояния полуострова.

Глава 16

Отъезд из Нижнекамчатска. Смерть Редовского. Высокий горный хребт. Тигиль. Поездка к корякам. Их олени. Нравы и обычаи. Западное побережье полуострова Камчатка. Самые значимые поселения: Харюзово, Морошечная, Сопочная, Ича, Воровская, Большерецк. Возвращение в Гавань Святого Петра и Святого Павла. Обзор названий, расстояние и население камчадалских мест жительства.

В конце февраля я снова приготовился к возвращению в Гавань Святых Петра и Павла и на этот раз решил поехать более дальним, новым для меня путем на западное побережье через Тигиль и Большерецк, чтобы таким образом ближе познакомиться с большей частью этой диковинной страны. 2 марта все было готово к отъезду. Но это было бы в высшей степени неблагодарно с моей стороны, если бы я не нанес публичный визит его превосходительству господину Кошелеву и его брату, по отношению к которым я чувствовал себя виноватым за их хлебосольный прием и всевозможные проявления дружбы, любви и внимания. С самыми теплыми пожеланиями дальнейшего благополучия 2 марта после завтрака, который я принял еще у господина Кошелева, я покинул Нижнекамчатск.

Едва проехав 16 верст, я получил почту из Европы, которая уже давно ожидала меня, так как должен был прибыть натуралист господин доктор Редовский, с которым я многие месяцы желал познакомиться. Моим первым вопросом было: где господин Редовский? И можно представить мой ужас, когда я узнал, что он мертв. По словам казаков, которые доставили почту, он, должно быть, умер недавно в Ичиге. Это обстоятельство побудило меня тотчас вернуться в Нижнекамчатск, где из доставленных писем я узнал, что он, пребывая в очередной раз в меланхолическом состоянии, охватившем его, действительно закончил свою достойную жизнь; и это после того, когда во время путешествия он перенес столько трудностей, но так и не добрался до места своего определения.

На следующее утро, на рассвете я снова отправился в путь. Уже через час я прибыл в местечко Каменское, расположенное в 65 верстах от Нижнекамчатска, где разделяются две дороги, одна из которых ведет в Верхнекамчатск, а другая – в Тигиль. На этой самой дороге находится селение Харчино, знаменитое на весь край своей вкусной рыбой – гольцами. В Харчино я переночевал и на следующий день доехал до расположенной в 57 верстах Еловки, окрестности которой очень разнообразны благодаря еловым, березовым и ольховым лесам, горам и довольно приятным долинам. Чтобы отсюда попасть в Тигиль, нужно преодолеть очень высокий горный хребт, который тянется с севера на юг и таким образом делит Камчатку на восточную и западную части. Этот путь многих пугает; так как постоянно господствующие в горах бури, пурги, отчасти не проложенные дороги часто настолько затруднительны для путешественников, что они готовы в течение 14 дней ожидать хорошую погоду, чтобы проехать путь в 160 верст, а иногда они вынуждены вообще отказаться от своих намерений из-за недостатка провизии. Поскольку на этом расстоянии через горный хребт нет ни одного населенного пункта, то для удобства построены 2 хижины, первая на расстоянии 46 верст от Еловки, вторая – на расстоянии 39 верст от первой; в штормовую погоду они служат убежищем и дают приют путешественникам.

6 марта около 7 часов утра в обществе солдат и казаков, собравшихся в Еловке, я продолжил свое славное путешествие. Дороги были превосходными, а погода на редкость безоблачной. Мы должны были преодолеть множество то высоких, то низких сопков и гор, среди которых выделялись два довольно высоких горных хребта. Однажды с одного из них, когда мы были так счастливы, что взобрались на него, открылся необычайно живописный вид. Огнедышащая вершина Ключевской сопки, казалось, была совсем рядом с нами. У наших ног мы созерцали разбросанные, подчас хорошо просматриваемые горы и как холмы и возвышенности теряются в далеких равнинах. Снег на этой горной вершине никогда не бывает глубоким из-за постоянных ветров, разносящих его, и в любое время он такой жесткий и прочный из-за продолжительных холодов верхней атмосферы, чтобы свободно можно было разезжать здесь, не подвергая себя опасности и трудности, да еще и не зная точной дороги. Вегетация здесь прекращается, и только на склонах то тут, то там пробивается кедровый стланник.

Второй горный хребт с северо-западной стороны – чрезвычайно крутой. Он является образцовым показателем езды на упряжках, когда приходится балансировать на этом очень крутом склоне, чтобы не упасть вниз вместе с запряженными собаками. Обычно на таких склонах собак выпрягают и после спуска снова привязывают, в этом случае проводник остолом пытается управлять нартами и таким образом удержаться. Большинство моих попутчиков (солдаты и казаки) и мой камчадалский проводник двинулись вниз по дороге и шли пешком друг за другом. В целом, картина была, разумеется, намного страшнее, чем на самом деле; поскольку здесь не было ни деревьев, ни скал или выступов, то особой опасности не было, однако было смешно наблюдать, как порой один за другим теми или иными способами люди скатывались или летели вниз кувырком.

У подножия горы недалеко от леска расположена первая хижина, до которой мы добрались еще засветло. Здесь было значительно меньше снега, чем по ту сторону горы. Ясная и безветренная погода наряду с лунным светом, на который мы возлагали надежду, побудили нас, всех без исключения, к попытке уже сегодня преодолеть оставшуюся часть трудного пути до второй хижины. Отдохнув, попив чаю, прихватив с собой вяленую рыбу и хлеб, а также подкрепив наших собак юколой, через 3 часа мы снова тронулись в путь.

Природа будто сама пробила себе дорогу через горы; между высокими скалами и отчасти отвесными, торчащими ввысь утесами дорога медленно шла вверх, при этом огибая скалы то справа, то слева, до тех пока через несколько часов мы незаметно поднялись на значительную высоту.

Туда и обратно проезжают через узкие тесные горные перевалы и снова по обширным открытым равнинам, где хозяйничают порывы ветра и метели, порой ужасные. На этих равнинах,

на небольшом расстоянии друг от друга, установлены столбы, служащие дорожными указателями в такие пурги, когда горные вершины и утесы окутаны снежными облаками и туманами. Но несмотря на эти столбы в метели, которые порой так неистово свирепствуют, что едва можно разглядеть передних собак в упряжке, путешественники зачастую теряют дорогу.

Через 20 утомительных верст, преодолев последнюю высоту, я был неожиданно поражен картиной лежащих у наших ног западных низовий полуострова. Отсюда дорога постоянно уходила с горы; едва удавалось сдерживать собак, учуявших увиденных нами многочисленных диких оленей, которые еще больше побуждали их к бегу. В некоторых местах оставалось так мало снега, что проглядывали камни, земля, сухая трава и мох. Было так темно, что я не мог точно рассмотреть ни одну из этих местностей, а поскольку моих собак нельзя было остановить, то я окликнул моего камчадальского проводника и попросил его собрать несколько камней и сохранить их до прибытия в хижину. Похоже, начиналась сильная пурга.

Вечером, около 11 часов, немало утомленные ездой, мы добрались до второй хижины, вблизи которой из-за недостатка снега во многих местах мы вынуждены были ехать по сухой земле и траве. По прибытии мы застали здесь несколько пассажиров, которые приехали из Тигиля, и полные страха перед предстоящей им поездкой, завидовали нашему чрезвычайно счастливому переезду. 7 марта мы переночевали в Седанке, местечке, жители которого произошли, собственно, от коряков, и которые разговаривают на отличном от камчадальского и корякского языке, распространенном на севере до Паланы и на юге до Ичи. Через день я прибыл в Тигиль, где сделал однодневный привал, чтобы предоставить моим собакам необходимый покой и отдых.

Тигиль, обычно называемый Тигильская крепость, т. е. крепость Тигиля, расположен на правом берегу одноименной реки, являющейся судоходной для маленьких транспортных средств. Якорная стоянка для прибывающих сюда из Охотска кораблей находится вверх по течению реки, в 15 верстах от устья и в 30 верстах от крепости. В истории Камчатки Тигиль является очень интересным местом, так как сюда пришли первые русские и отсюда они продолжили свои дальнейшие завоевания. Кроме нескольких казенных построек, здесь около 30 домов и церковь. Несмотря на то, что место безрыбное, а река настолько быстрая, что едва позволяет соорудить запруды и ставить сети, здесь все же предусмотрено обеспечение другого рода. Поблизости пасется огромное количество оленей, и северные пограничные соседи, коряки, бродят круглый год повсеместно со своими бесчисленными прирученными оленьими стадами и продают русским и камчадалам за мелочи, особенно за табак, водку, красные мухоморы, котелки, топоры и другие инструменты, которых здесь достаточно, так что народ вполне обеспечен мясом для пропитания и шкурами для одежды.

Я узнал, что эти кочевые народы и сейчас находятся недалеко к северу отсюда, и поэтому решил на следующий день отыскать их. Комендант Тигиля, унтер-офицер, предоставил мне собак и переводчика, с которыми я 10 марта поспешил на встречу с незнакомым мне народом.

Мы пересекли много долин, и после того как проехали приблизительно 30 верст, приблизились к реке Оманиной, которая в 7–8 верстах от Тигиля впадает в Охотское море. На этой реке расположено камчадальское селение под таким же названием, которое почти совсем вымерло, и сохранились только 3 жилых дома. Недалеко от этой реки я нашел первые следы коряков или, точнее, их оленей. Создавалось впечатление, как будто здесь покинула лагерь целая армия. Тысячи оленей вытоптали снег и проложили тропы по всем направлениям, которые были слишком неровными и шероховатыми для езды на собачьих упряжках. Я следовал за моим проводником по еще недавно оживленным, а сейчас словно опустошенным и безлюдным долинам, и к вечеру мне посчастливилось обнаружить коряков вместе с их оленями.

Я остановился в самой большой хижине у знатного коряка по имени Пролок; он – владелец по меньшей мере двух тысяч оленей, пасущихся вокруг его хижины; из них он приказал тотчас забить двух оленей для меня, моего проводника и наших собак. На дружеском приеме в качестве лакомства мне преподнесли костный мозг из еще теплых от крови костей и только что отваренные языки – самая ценная часть туши.

Хотя коряки и камчадалы существенно различаются по языку, но они похожи чертами лица и внешностью; к тому же их одежда почти та же, только в одежде коряк вместо воротника – капюшон и под подбородком вместо разреза – полочки. Мужчины и женщины отличаются, скорее, не своей национальной одеждой, а только тем, что по-разному стригут волосы. У мужчин я не заметил никакой бороды; как меня уверили, они должны вырывать ее щипчиками; их волосы показались мне менее темными, чем у камчадалов. Коряки живут в жилищах, похожих на форму сахара-рафинада, каркас которых состоит из жердей; поверх них натянуты необработанные волосатые шкуры. Вокруг

жилища стоят от 60 до 70 лыж, на которых кочевой караван перевозит множество жердей, шкур и другой утвари. Такое большое количество лыж объясняется тем, что олени очень слабые и могут тащить только небольшой груз. Дневной свет в этих жилищах падает только сверху через то же самое отверстие, которое одновременно служит дымоходом.

Внутри по кругу из оленьих шкур, обращенных к очагу внутренней стороной, сооружены маленькие отделения, а дубленой шкурой можно также прикрывать полог кровати. Дело в том, что эта маленькая каморка спасает от дневного света, дыма и холода. Глава семьи живет в наиболее просторной секции сразу напротив входа, а остальные родственники и работники – в маленьких закутках. Жилище имеет вид дымовой камеры, и повсюду царит отвратительная грязь. Куча больших собак, которые используются в основном на охоте и чьи шкуры используют для оторочки одежды, имеют свободный вход к своим лежанкам.

Непереваренный в оленьих желудках мох смешивается с жиром, варится и в таком виде служит основным кормом для собак, а иногда и пропитанием для людей.

Было поразительно снова познакомиться здесь с народом, чье благосостояние и богатство, образ жизни и материальное положение, пища и одежда так же просты и однообразны и зависят от одного лишь оленя, как и существование алеутов – от тюленя. Жилища и предметы одежды всякого вида изготавливаются из шкуры оленя, чей желудок используется для сохранности различных жидкостей и чье мясо является ежедневной пищей.

Излишки своих табунов коряки используют, занимаясь товарообменом с соседями – русскими и камчадалами, и покупают железные и медные котелки, и другую кухонную посуду, ножи, топоры, листья табака, водку, мухоморы, порох и свинец, тюленьи ремни, рыбий жир и другие товары для оленей.

При покупке кочевыми народами больше ценится маленькая рюмка, в которую водка наливается до краев, чем большой пивной бокал, который можно было бы наполнить до половины. Поэтому мой хозяин в Тигиле одолжил мне для сегодняшней экскурсии очень ценный для него стаканчик, в который едва вмещалась половина унции (1 унция – 28,35 г).

Вместо мисок они используют деревянное корыто, из которого одновременно едят люди и собаки. Их питье круглый год состоит большей частью из льда и снега, который они постоянно тают в котле, висящем с этой целью над костром. Этим фактом можно было бы поставить под сомнение утверждение некоторых врачей, что частые заболевания зубом во многих кантонах Швейцарии и в Тироле возникают от потребления снеговой воды, так как ни один из коряков не страдает зубом, а в разгар лета они уходят с оленями в горы, где никак нельзя обойтись без снежной или ледяной воды.

Занятие мужчин состоит из охоты на соболя, диких оленей и архаров, а судя по многочисленным оленьим стадам, которые пасутся рядом с хижинами как крупный рогатый скот, ловлей оленей на убой. Как только животное поймано, его забивают ударом ножа в сердце и передают женщинам, которые сдирают шкуру, потрошат, обеспечивают мясом кухню и впоследствии готовят шкуру на одежду. Точно так же исключительно женской обязанностью является разборка жилищ, укладка их на грузовые упряжки, чтобы везти дальше и снова поселиться на новом месте. По мере того, как олени объедают мох в окрестностях жилища, что зависит от количества оленей в стаде, и происходит это иногда за короткое, иногда за более продолжительное время, кочующая орда со своими оленями переезжает дальше на несколько верст, и таким образом ежегодно преодолевает большие расстояния по северной земле, а именно от Ижиги на юг, в центральную часть Камчатки, особенно в район Ичи, а по пути снабжает оленьим мясом почти все западное побережье полуострова.

С чукчами, своими северными соседями, коряки постоянно конфликтуют, и поэтому охотнее примыкают к русским, от которых они получают свою выгоду, не подвергаясь при этом гонению.

Обычно их оружие – луки и стрелы, но иногда они используют порох и ружье, преимущество которого перед стрелами высоко ценят на охоте.

Кроме бубна с железными кольцами, по которому бьют чучелом собачьей лапы, я не заметил никакого другого музыкального инструмента. Их пение похоже на пение жителей Алеутских островов и Западной Америки, а их танец точно так же состоит из простых телодвижений, при этом они даже ни разу не меняют свое первоначальное место.

11 апреля поздно вечером я вернулся в Тигиль, откуда на следующий день я продолжил свое путешествие в Большерецк, и первой остановкой через 20 верст было местечко Напана, дорогу к которому проложили олени, что является большой редкостью. Несмотря на то, что эта новость возбудила во мне особый интерес, в дальнейшем я все же отдал предпочтение собакам как упряжным животным; олени бегут какое-то время быстрее, но менее выносливы, и через каждые 10, максимум

12 верст их необходимо кормить. Следовательно, необходима остановка, в то время как даже не совсем надежные собаки с их равномерным и непрерывным бегом в большей или меньшей степени так или иначе могут добраться до отдаленного места, в отличие от оленей, которые, как уже было сказано, очень быстро устают, могут тянуть лишь небольшую поклажу и чрезвычайно докучают путешественникам снегом, который они постоянно швыряют копытами в лицо. Поэтому 12 апреля, радуясь тому, что опять могу управлять своими собаками, я проскочил западное побережье Камчатки, на котором никогда не выпадает так много снега, как на восточном. Оно, в целом, холоднее, пустынное, менее привлекательное и во многих местах покрыто оленьим мхом, отчасти из-за более возвышенного положения, отчасти из-за постоянных сильных северо-западных ветров и густого тумана. Реки, в общем, не богаты рыбой, и земледелие возможно лишь в отдельных селениях. Но как раз этот недостаток плодородия предоставляет жителям побережья другое преимущество, а именно оленеводство, которым пренебрегали вплоть до прибытия нового коменданта полуострова и только сейчас стали им заниматься. Генерал Кошелев снова начал закупать для казны оленей у коряков, и их количество уже возросло до 300 голов, благодаря чему, откровенно говоря, если его преемник в будущем будет точно так же усердно заботиться о размножении этого стада, то уже только этим он на несколько лет вперед устранит большой дефицит продуктов животного происхождения.

Самыми большими селеньями на далеком пути из Тигилия до Большерецка являются:

Хайрюзово, расположенное на берегу одноименной реки, в которой была найдена окаменелая древесина, превратившаяся в сланцевую яшму, используемую жителями в качестве точильного камня. На расстоянии 36 верст от морского берега находится несколько небольших скальных островов, посещаемых жителями весной, чтобы собирать яйца гнездящихся там морских птиц или забивать тюленей. Просто невообразимо, что люди из-за нескольких яиц на своих плохоньких лодках явно подвергают свою жизнь смертельной опасности; не проще ли было бы научить их строить более надежные и рациональные транспортные средства.

От Хайрюзова до следующей остановки Белоголовое снег так сильно подтаял, что местами я вынужден был идти пешком.

Морошечное – довольно большое и удобное место, расположенное на правом берегу одноименной реки на склоне небольшой горы, у подножия которой по широкой долине река течет в море. В устье этой реки убивают и ловят сетями тюленей, чьи шкуры и жир в качестве предмета торговли продают кочующим здесь корякам.

Сопочное. Отсюда камчадалы со своими собаками отправляются через горы в Вехнекамчатск. Этот путь, должно быть, удобен из-за того, что горная цепь здесь довольно низкая и пологая; но многочисленные, никогда не замерзающие родниковые ключи делают поездку слишком утомительной и в любом случае опасной, однако возможной в самом холодном месяце – феврале.

17 апреля я доехал до Ичи, не очень маленького села с церковью, в котором проживали два священника. Снег здесь, как и почти на всем западном побережье, по большей части растаял. Картофель, капуста, свекла произрастают в этой местности хорошо; но пшеницы, в отличие от других зерновых, здесь меньше, чем на реке Камчатке, из-за холодных северо-западных ветров и продолжительных ночных заморозков. Многие жители занимаются животноводством; кроме большого количества коров я насчитал 26 лошадей.

Неподалеку от этого места проходит самая южная граница, на которой часто можно встретить коряков с их оленями, направляющихся со своими караванами опять на север. В пятидесяти верстах отсюда можно встретить мелкозернистый песчаник, который жители отправляют во многие точки полуострова в качестве точильного камня.

Предоставив своим собакам суточный отдых, 19 апреля я снова продолжил путешествие. Большинство рек, которые мне случалось пересечь, были свободны ото льда; это обстоятельство затрудняло переправу и сдерживало дальнейшее передвижение. 21 апреля я доехал до Воровского, расположенного на достаточно большой одноименной реке, впадающей в крупный залив, и вполне глубокой, чтобы принимать прибывающие из Охотска корабли, которые, правда, зачастую здесь зимовали.

Поскольку морской туман был здесь гуще и чаще, чем в других местах, вследствие чего не так легко было высушить рыбу, которая быстро портилась, то обычно принимались простые меры предосторожности: рыба, отобранная для юколы, очень сильно коптилась в течение одного дня. Один русский, осевший здесь, стал самым зажиточным крестьянином на все селение. Он угощал меня крупным куском картофеля с говядиной и рыбой, ягодами и дичью и, между прочим, сказал мне, что он последние пять лет получал четырехкратный урожай пшеницы, а один раз даже шести-

семикратный. У него 22 коровы, 2 лошади, огромное количество собак и живет он, в основном, плодами земледелия, прилагая много труда и усилий.

На следующий день я прибыл в Большерецк, когда-то многолюдную, но очень уединенную столицу Камчатки. Он расположен на большой равнине, которая простирается от Ичи вдоль морского берега; повсюду лежат открытые пустоши, покрытые оленьим мхом. В прошлые времена эти пустынные степи были обжиты табунами оленей, состоящими из 2–3 тысяч голов, которые принадлежали казне, но из жадности тогдашнего коменданта были проданы. Настоящий комендант, генерал Кошелев, как я уже упоминал, трудом и упорством снова ввел оленеводство. В устье Большой реки, в 30 верстах от села расположен залив; сама река образует, правда, не совсем удобную пристань; неглубокий фарватер предназначен только для маленьких судов; впрочем, это – самая богатая рыбой река полуострова, поэтому весной и летом ее берега являются местом обитания большого количества медведей.

23 апреля я покинул Большерецк и 25-го уже был в Гавани Святых Петра и Павла, где, к своему удивлению, застал настоящую зиму. Санная дорога была еще хорошей, а большая часть бухты покрыта льдом. Господин Хвостов и господин Давыдов готовили свои корабли к отплытию и ожидали в конце апреля схода льда, чтобы выйти в море. В это время снег уже начал таять, и пришло время сбора дикого чеснока (черемши) для больных цингой промышленников.

1 мая мои друзья отправились на рейд, на следующий день снялись с якоря и, сердечно попрощавшись и пожелав скорейшей встречи в Санкт-Петербурге, покинули нас. Они направились к Курильским островам, чтобы осуществить разработанный господином Резановым план секретной экспедиции.

Капитан де Вульф, тем временем, начал приготовления, чтобы выставить мачты на наше суденышко и как можно скорее покинуть Гавань Святых Петра и Павла.

На этом путешествие барона Лангсдорфа по Камчатке на собачьих упряжках закончилось. Из четырех глав книги Г. И. Лангсдорфа «Наблюдения во время кругосветного путешествия в 1805–1807 годах» непереуверенной осталась глава 13, которая описывает климат, животный и растительный мир Камчатки начала XIX в.

1. *Стоянов Ю. А.* Материалы Г. И. Лангсдорфа о Камчатке (1804–1807 гг.) как основа для сопоставления с ее современным состоянием // О Камчатке и странах, которые в соседстве с нею находятся...: мат. XXVIII Крашенинниковских чтений / Мин-во культуры Камч. края, Камч. краевая науч. б-ка им. С. П. Крашенинникова. Петропавловск-Камчатский, 2011. С. 193–196.

2. *Langsdorff G. H.* Bemerkungen auf einer Reise um die Welt in den Jahren 1803–1807, 2 Bde. Frankfurt am Main, 1812. // Adam Johann von Krusenstern, Georg Heinrich von Langsdorff, Otto von Kotzebue, Adelbert von Chamisso. Forschungsreisen auf Kamtschatka. Auszüge aus den Werken. Norderstedt, 2011. С. 36–79.

В. И. Меньшиков ИЗ КИРГАНИКА В ДОЛИНУ ГЕЙЗЕРОВ

В 1976 г. после многочисленных словесных баталий между Камчатским Советом по туризму и Дирекцией Кроноцкого заповедника было принято решение временно закрыть туристский маршрут в Долину гейзеров в целях дополнительного благоустройства. Закрывали временно, а получилось почти навсегда. Пострадали, как на Руси водится, простые люди и природная среда. Первые потеряли возможность посмотреть это чудо природы. А за территорией, где постоянно проживали многочисленные научные группы и блатные гости, стало некому ухаживать и содержать ее в чистоте.

Интересный факт. Подавляющее большинство жителей Камчатки никогда не бывали в этой уникальной долине. Когда работал туристский маршрут, а двухнедельная путевка в Долину гейзеров стоила всего 70 рублей, камчатцы предпочитали в первый же день своего сверхдлинного отпуска уезжать на «материк». Я в 1971 г., будучи председателем профкома Гидрометслужбы, закупил у турбазы 10 путевок и стал бесплатно раздавать их отпускникам. С трудом уговорил 7 человек посетить Долину гейзеров. Три путевки пропали. Таков наш менталитет: «что имеем – не храним, а потерявши – плачем».